

БЕКАРЕВИЧ А. А. и — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БЕКАРЕВИЧ Георгий Степанович. Полковник царской армии, после революции служил в учреждении.

БЕКАРЕВИЧ-КОРОБКОВА Анна Аполлинариевна (из рабочих). С 14 — работала домработницей в семье инженера. Посещала кружки революционных рабочих. В 1917 — сестра милосердия, тяжело ранена в Феодосии. В 1920 — на заготовках хлеба в Туркестане, в 1921 — вновь ранена. Работала по организации детских колоний при Пороховом заводе, затем в Москве в Наркомземе и Центросоюзе. В 1930-х — работала завторгом, агентом и инкассатором в ЦЛПС в Ленинграде.

В марте 1935 — высланы из Ленинграда в Уфу на 5 лет.

В 1935 — Анна Аполлинариевна обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Когда-то я не раз бывала у Вас по поручениям моего ближайшего начальства, покойного Семена Пафнутьевича Середы и других, и Вы всегда вступались за несправедливо обиженных. Почему я теперь обращаюсь к Вам за помощью и защитой. Со мной стряслась беда, которая меня совершенно придавила. Я нравственно потрясена, оплевана и невыносимо страдаю от незаслуженной обиды. Я измучилась и морально, и физически.

Дело в следующем: в ночь с 5-ого на 6 марта т<екущего> г<ода> ко мне на квартиру явились представители УНКВД Л<енинградской> О<бласти>, произвели у меня тщательный обыск и, ничего не найдя, принудительно отправили меня в тюрьму, где я в ту же ночь была допрошена следователем. Даже производившие у меня обыск представители УНКВД высказали свое недоумение следующими словами: "неприятная для нас сегодня работа, — ничего мы не нашли предосудительного, да и ничего у Вас нет: ни имущества, ни дорогих вещей, ни ценностей, а все-таки мы должны Вас арестовать".

При обыске у меня взяли только: 1) мое заявление в ВЦИК с визой и резолюцией ВЦИК о выдаче мне в награду 100 червонцев на лечение, 2) два письма — одно Зам<естителя> Предс<едателя> Исполкома, члена ВКП (б) тов<арища> Стольного Ил. М. в ВЧК — тов<арищу> Юртиеву с просьбой поддержать ходатайство о назначении мне персональной пенсии и второе письмо — Начдива РККА — орденоносца Фокина Уральского о том же в Реввоенсовет. Этими письмами я не воспользовалась, т<ак> к<ак> быв<ший> в то время Председателем ВСНХ Дзержинский Ф. С. и его заместитель Середа С. П., хорошо знавшие мою работу с первых дней революции, хотели лично ходатайствовать о назначении мне персональной пенсии и приняли от меня все документы. Но из-за скоростижной смерти тов<арища> Дзержинского такое ходатайство не было возбуждено. Только в 1926 г<оду> Главсоцстрахом, по согласованию с ОГПУ при СНК, мне была назначена пенсия как инвалиду-увечнику. Приводимые мною факты сами по себе достаточно характеризуют мою политическую физиономию и работу.

В тюрьме я очутилась среди б<ывшей> высшей аристократии и дворян разных рангов, что меня страшно поразило.

Я — дочь пролетария — рабочего завода "Феникс" в Риге — Годлевского Апполинария-Иосифа, умершего за станком в 1911 году. Мой дед-повстанец, повешенный приспешниками царской власти, брат — Владимир Иосифович Годлевский — политкаторжанин (что можно проверить в Москве по спискам б<ывших> политкаторжан), погиб где-то на

каторге, второй брат Иван — Ленинградский рабочий — утонул в р<еке> Неве в 1927 году. Мать — неграмотная крестьянка, умерла в 1934 г<ода> в Ленинграде, жила на пенсию за утонувшего сына Ивана и при моей поддержке. Сестра Софья — жена члена ВКП (б), рабочего Ленинградского завода ЦЛПС. И с этой стороны, кажется, я не могу вызывать никаких подозрений и быть причислена к врагам нашей рабочей Соввласти.

Тяжелая жизнь выпала мне на долю. Как себя помню, с самых ранних детских лет я несла каторжную и непосильную работу, помогая матери во всякой домашней работе и ухаживая за младшими братьями и сестрами, получая в награду за это от матери одни лишь колотушки. Я страшно хотела учиться и сама тайком выучилась читать и писать. Но и это счастье выпадало мне на долю редко по ночам, когда все спали или когда матери не было дома. Если мать заставляла меня за чтением, то нещадно била, чем попало, отбирала книжку и сжигала ее.

Не вынеся такой каторжной жизни, я 14-ти лет бежала из дома в Питер, где начала свою самостоятельную жизнь домработницей и няней в семье инженера Сутоцкого, у которого была хорошая библиотека. Когда не было дома "господ", я жадно читала все, что попадалось под руку в свободное от работы время. Но только после того, как я стала посещать кружки революционных рабочих и учащейся молодежи, у меня открылись глаза, и я стала заниматься самообразованием. В одном из таких кружков я впервые познакомилась с моим теперешним мужем Бекаревичем Георг<ием> Степановичем, который состоял в Плехановской фракции "Освобождение труда" в военной секции.

В первые дни Февральской Революции, сопровождая раненых, как сестра милосердия, в Крым и выступая на митинге в Феодосии, я была тяжело ранена царским охранником. Долго проболела. Операция извлечения пули, засевшей в позвонке, производил в Петрограде профессор Добротворский.

Вторично была ранена в 1921 году басмачами, работая уполномоченной Центросоюза и Москоммуны в Туркестане и Бухаре, куда была направлена по личному распоряжению Вл<адимира> Ил<ьича> Ленина для заготовки хлеба голодающему Поволжью и для Москоммуны.

О моей работе могут дать отзывы находившиеся сейчас в Москве товарищи: Поздеев Вас<илий> Петр<ович> — председатель Транспортного отдела Наркомтяжпрома, Хинчук Лев Михайлов<ич>, Альберт Анд<рей> Конст<антинович> — Зам<еститель> Наркомлеса, Эпштейн — член Президиума Центросоюза.

С первых дней Октябрьской Революции работала вместе с Жуком Пет<ром> Петр<овичем> по организации первых детских колоний при Пороховом заводе. Затем была отозвана в Москву, где работала под непосредственным руководством покойного Середы Сем<ена> Парф<ентьевичем> в Наркомземе и далее в Центросоюзе. Работала и уполномоченной Омского Мединститута при Казреспублике.

Несмотря на свое болезненное состояние и вконец подорванное здоровье, я до последней минуты продолжала работать и только накануне отъезда из Ленинграда 14/III т<екущего> г<ода> сдала дела правлению ЗРК, которое моими хлопотами в Центре создано при Ленингр<адском> заводе ЦЛПС, и где я работала и завторгом, и агентом, и инкассатором одновременно. И вот в награду за мою безупречную, честную и активную работу меня сначала отправили в тюрьму, а затем выслали из Ленинграда в Уфу на поселение.

8 марта вечером меня освободили из тюрьмы с обязательством 9 марта т<екущего> г<ода> явиться в УНКВД Л<енинградской> О<бласти>. Там я 9/III получила удостоверение за № 654 в том, что с меня взято

обязательство о выезде из пределов гор<ода> Ленинграда в гор<од> Уфу не позднее 15 марта 1935 г<ода> и предъявить указанное удостоверение по приезде на место в местный орган НКВД для регистрации.

На мой вопрос в УНКВД Л<енинградской> О<бласти>, почему меня высылают без проверки моих документов и трудсписка, получила ответ: "Мы никаких документов не проверяем. Здесь работает специальная комиссия под руководством особо уполномоченного из Центра, которая высылает по особым спискам всех бывших придворных, б<ывших> аристократов, дворян, б<ывших> военных, духовенство и др<угих>. Вы не беспокойтесь и не волнуйтесь. Эта временная мера, вызванная политическим моментом. На месте Вы получите паспорт. Никаких прав Вы не лишаетесь. Пенсия за Вами сохраняется. Квартира пока остается за Вами. Устройтесь там на работу, а потом можете приехать сюда в отпуск или в командировку и устроить здесь свои дела". На мой дальнейший вопрос, а почему же тогда меня высылают, получила в ответ: "Вы замужем за военным? Ваш муж, кажется, б<ывший> полковник? Ну вот, этого достаточно. Видимо, Вы причислены к категории лиц, высылаемых из Ленинграда за родство с б<ывшим> военным старой Русской Армии".

Свято веря словам лиц такого высокого учреждения и, не допуская даже мысли об обмане, я спокойно выехала из Ленинграда, тем более, что по роду своей болезни (порок сердца и полная расшатанность всей нервной системы) я по совету лечавших меня врачей решила навсегда покинуть Ленинград и переселится куда-либо в тихий городок средней полосы России поближе к югу, с каковой целью мой муж уехал еще в середине февраля на Украину, чтобы подыскать подходящее местожительство для нас и для своей службы.

Если бы я хотя бы на минуту смогла предположить и предвидеть, что в действительности случится на месте, я бы остановилась в Москве и приняла бы все меры, чтобы повидать и Вас и всех лиц, знающих меня, мою работу и мое политическое сredo, и через них добиться правды и справедливости. Если меня выслали, как жену б<ывшего> полковника, то я вышла за него замуж не тогда, когда он был полковником, и когда я, может быть, могла бы пользоваться какими-либо привилегиями и удобствами жизни, а вышла в 1924 году, когда он работал в РСФСР, как честный труженик-бедняк, занимая невысокое служебное положение, и вскоре должен был и вовсе оставить службу на несколько месяцев ввиду тяжелой болезни — первый инсульт от переутомления непрерывной работой.

Когда я прибыла в Уфу, то здесь увидела картину, совершенно обратную той, которую рисовали мне в УНКВД Л<енинградской> О<бласти>. В УНКВД при Б<ашкирской> АССР мне сказали, что здесь пока не имеется никаких сведений на высланных из Ленинграда и распоряжений Центра, как с ними быть, и что мне придется пока ожидать этих распоряжений. После же ознакомления с моими документами и труд<овыми> списками и после моих настойчивых требований дать мне какую-либо работу, т<ак> к<ак> не имею никаких средств к жизни и могу умереть с голоду, пока дождусь этих распоряжений, уполномоченный УНКВД посоветовал мне подыскивать себе какое-либо жилье и работу и когда найду таковую, позвонить ему, и он даст свое согласие на прием меня на службу. Это было 19 марта. Я обегала весь город и все учреждения и нигде не могла найти комнаты, т<ак> к<ак> домовладельцы, ввиду наплыва Ленинградцев, бешено взвинтили цены и за маленькую комнатку, где еле можно поставить кровать и столик требуют за голые стены, собственно за угол, 60-70 руб<лей>, а у меня и такой суммы нет.

Наконец, Уфим<ский> Горздравил представил мне, с согласия НКВД, место медсестры во вновь открываемом детском санатории костно-

суставного туберкулеза в 6 километрах от Уфы. 26/III я перебралась туда и с этого числа до 1 апреля, т<о> е<сть> до открытия санатория я дни и ночи просиживала за шитьем постельного и другого белья и за обметкой петель на старых пододеяльниках. Отдыхала где и когда придется, валяясь на полу, т<ак> к<ак> при санатории не имеется никаких жилых помещений, а в самом санатории еще заканчивались работы. 1-ого апреля состоялось открытие санатория, и стали прибывать больные. Но санаторий оказался совершенно неподготовленным к принятию больных: не было ни врачей, ни сестер, ни повара, ни медикаментов, ни дезинфицирующих средств, ни стерилизатора, ни аппаратуры рентгеновского кабинета (хотя помещение для кабинета имеется, но в санатории нет электричества), ни прачечной, ни необходимой кухонной посуды, даже не было к открытию санатория необходимого продовольствия, ни денег на его покупку, так что мне в первые дни приходилось даже отыскивать и покупать на свои деньги продукты и хлеб для довольствия больных и рабочих. Были только главврач — директор санатория Зотов, завхоз (оба живут в городе и изредка приезжают в санаторий) и живущая в санатории креатура главврача, кладовщица, она же кастелянша и она же воспитательница, ничего не делающая и ничего не понимающая в деле и вносящая дезорганизацию в него; затем потом постепенно набрались няни-санитарки, деревенские женщины, не имеющие представления за уходом больных. При таких условиях открылся санаторий и при таких условиях состоялся прием в санаторий больных, и при таких почти условиях он продолжает функционировать и теперь. Разве это не бутафория, не наплевательское отношение к делу со стороны директора санатория? Реклама и очковтирательство. Санаторий заполнен больными, а врач Зотов с 1 апреля до половины мая не сделал ни одного обхода больных и не приступил к лечению их, а среди них были с высокой температурой и с гнойными ранами. Если же иногда врач и появлялся в палатах (по инструкции обход врача больных должен быть ежедневно с 10-и до 12 часов дня), то обращал больше внимания на то, выравнены ли кровати.

При таких-то условиях мне приходится работать. За неимением медсестер, повара или хотя бы какой-либо стряпухи, мне пришлось в течение 39 суток бессменно быть дежурной сестрой, работать за повара, за сестру-хозяйку и иной раз и за дежурн<ую> няню. Только 10 мая я первый раз вышла из санатория на воздух и была свободна от дежурств и работы.

По распоряжению главврача Зотова продукты отпускались только на наличное количество больных детей, 1 дежурн<ую> сестру и 2-х дежурных нянь и только им давать все положенное по меню. Больше никто не имеет права на получение довольствия из санатория. Такое распоряжение главврача кладовщице и мне было подтверждено им и на общем собрании. Но после этого главврач вызвал меня и отдал мне такое распоряжение: продукты получать только на наличное число больных, дежурн<ую> сестру и 2 дежурных нянь, но кормить обязательно, кроме этих лиц, кладовщицу-кастеляншу, 3-х рабочих (кучера, ночн<ого> сторожа и чернорабочего-водовоза), поддежурную, 2 сменяющихся с дежурства нянь (утр<енний> чай и завтрак) и случайных. К случайным относились: главврач, его дочь, завхоз и друг. Когда я стала отмечать в дневнике санатория это распоряжение главврача и то, что кладовщица-воспитательница не ведет никакой работы с детьми (с 6 до 9 вечера), то гл<авный> врач вызвал меня в выходной мой день из города в санаторий и в грубой форме обрушился на меня, как я смела отмечать в дневнике его распоряжение о кормлении и о неведении занятий воспитательницей. Когда же я сказала, что он сам приказал мне заносить в дневник все и

утвердил его форму, и что я считаю неудобным и незаконным питать бесплатно за счет больных детей лиц, не имеющих права на такое питание, то врач Зотов в грубой форме сказал: "Помните, что Вы поднадзорная лишенка, не имеющая права голоса и не должны видеть того, что есть, а также говорить о том, что слышу, что если я хочу оставаться в санатории, то должна быть тише воды и ниже травы, иначе он меня немедленно уволит, и я больше не получу нигде работы".

Хотя все описанное мною о моей работе в санатории и о царящих в нем порядках не относится непосредственно к делу, о котором я обращаюсь за Вашей помощью, но я привожу, и я Вам как пример, в какое унижительное рабское положение попали мы, высланные из Ленинграда, и как издевательски относятся к нам. Действительность совершенно противоречит тому, что мне говорили в УНКВД Л<енинградской> О<бласти>.

Чтобы проверить слова главврача, я отправилась в Стражкассу и спросила там у председателя, могу ли я получить свою пенсию за апрель и буду ли я получать свою пенсию вообще, получила ответ: "Не будете. Есть распоряжение из Москвы пенсии высланным не выплачивать". Тогда я отправилась в УНКВД при Б<ашкирской> АССР, и там мне подтвердили, что мы все, высланные из Ленинграда, являемся административно-ссылными, и как таковые лишены права на пенсию и всех других гражданских прав.

Что же это такое? Где же правда? Почему такое разногласие между НКВД Ленинграда и Уфы. Почему ко мне и к моему мужу применили меру, которая применяется к врагам Соввласти? Между тем могла ли и могу ли я, — дочь рабочего-пролетария, внучка повстанца, казненного царской властью и сама пролетарка, впитавшая, можно сказать, с молоком матери ненависть к быв<шим> правящим классам, российской аристократии и буржуазии, могу ли я быть заодно с ними и стать чуждым элементом для своей родной Соввласти и партии. За что же меня так жестоко и несправедливо обидели, сослав на поселение без суда и следствия, по каким-то жактовским спискам и лишив меня и мужа всех гражданских прав, и которыми здесь помыкают, как рабами.

Особенно тяжело и больно, что обида нанесена тогда, когда идет у нас в СССР величайшее строительство социализма, когда мечта всей жизни, за которую мы с мужем отдали все свои силы и здоровье, наконец, воплощается в жизнь, когда рвешся отдать последние свои силы нашей Соввласти и партии и быть участниками великого строительства. Мы хотим работать и быть полезными государству, но работать свободными гражданами нашего великого свободного Союза, а не административно-сосланными.

С этой просьбой обращаюсь к Вам, многоуважаемая Екатерина Павловна! Прошу Вашего ходатайства об исправлении вопиющей ошибки, допущенной в отношении нас Особой Комиссией по выселению из Ленинграда, и Вашей защиты наших гражданских прав и право на получение пенсии. Мы не классовые враги СССР, ими не были и не будем. Нельзя же валить всех в одну кучу.

Вместе с тем, сообщаю Вам, что в середине апреля с<его> г<ода> мною посланы Наркому Внутренних дел мое и моего мужа Бекаревича Г.С. заявления с ходатайством пересмотреть наше дело и восстановить нас в гражд<анских> правах. Заявления посланы мной при письме моему б<ывшему> непосредственно начальнику Льву Михайловичу Хинчуку с просьбой направить заявления Наркому Внутр<енних> Дел.

В заявлениях подробно изложены все факты и выписки из наших труд<овых> списков. 24 апреля с<его> г<ода> я получила обратную расписку за подписью личного секретаря Наркома Внутторга в том, что 20

апреля получено мое письмо с документами на имя Хинчука. Но до сих пор я не имею никаких известий от Л. М. , а также и от НКВД.

С почтением

А. А. Бекаревич-Коробкова.

Адрес мой: гор<од> Уфа, Тобольская 131, Бекаревич-Коробковой Анне Аполлинариевне»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1403. С. 59-67. Автограф.